

ИСПЫТАНИЕ «МЯГКОЙ СИЛОЙ»

Борис Межуев

БОРИС МЕЖУЕВ — шеф-редактор «Русского журнала»

Двухдневный визит Барака Обамы в Москву признан в Америке неудачным. В этом сходятся издания всех направлений: флагман либерализма *New York Times*, цитадель неоконсерватизма *The Weekly Standard*, форпост реализма *The National Interest*. Основания для такого вывода кажутся не совсем очевидными — американскому президенту удалось договориться с главой Российского государства по многим важным вопросам, в первую очередь по поводу перезаключения Договора по сокращению наступательных вооружений. Большого, казалось бы, не ожидал никто из экспертов. Но самый легкий эпитет, которым был удостоен московский саммит с американской стороны, — это слово «скучный». Пол Сандерс, руководитель, наверное, наиболее пророссийского центра во всем Вашингтоне, Центра Никсона, так и назвал свою статью — «Скучная перезагрузка».

Что, собственно, повергло американских экспертов в такое уныние?

Проект «Обама» в стадии «перезагрузки»

Незадолго до начала саммита в оппозиционных средствах массовой информации двух стран началась одна хорошо срежиссированная кампания — кампания против «перезагрузки». Отодвинутые в сторону от этого процесса московские либералы типа Лилии Шевцовой и неоконсерваторы круга Билла Кристола на-

чали в один голос проклинать обамовскую политику «наведения мостов» с Россией как «предательство дела свободы и демократии», которое обрекает всех «честных людей» в России и Америке на прозябание в полной безвестности.

Главным пунктом этого информационного наезда стало соединение имени Обамы с именами видных экспертов и политиков из числа так называемых реалистов. Существовало мнение, что «перезагрузку» концептуально подготавливают «реалисты» школы Брента Скоукрофта и Генри Киссинджера (факт — идеи «реалистов» легли в основу программных документов как комиссии Харта — Хейгела, так и программы Century Foundation, написанной ближайшим сотрудником Киссинджера Томасом Грэмом). Потому все идеи свободы и демократии неизбежно должны быть принесены в жертву стратегическому размену с Россией — элементы ПРО в Центральной Европе в обмен на поддержку санкций против Ирана.

Наверное, вся эта кампания не возымела бы никакого действия на сплоченную команду Обамы, если бы она не задевала самого главного фактора его политики — личного имиджа нового главы Белого дома. Обама пришел к власти как «человек

мumu. Только сила эта теперь должна была распространяться не только на Европу и на «просвещенную часть» человечества, но на весь земной шар. В первую очередь на его проблемные регионы — мусульманский Ближний Восток, Юго-Восточную Азию и Россию.

Проблема с американской «мягкой силой» в том, что она всякий раз непонятно к кому обращена — к властям предрержащим, их либеральным конкурентам или же к протестующим массам. А эти силы не так легко разделить. Протянешь руку дружбы правящим элитам — мигом предашь разгневанную улицу. Обратишься с воодушевляющим призывом к улице, немедленно оттолкнешь от себя политический класс. Еще хорошо, если массы ненавидят своих властителей (как было в Филиппинах эпохи Фердинанда Маркоса), а что если они их поддерживают? Но если даже, рассуждая реалистически, двинуться навстречу только популярным в народе правителям, то как же быть с разного рода сочувствующими Америке диссидентами? Планируя свою политику в отношении России, глава Белого дома неизменно оказывался в положении героя одной знаменитой русской поэмы, который, каким бы маршрутом ни двигался по Москве в

Обама фактически решил возглавить некую гипотетическую «партию Медведева» против условной «партии Путина»

перемен». Хотя никто внятно так и не сформулировал, в чем эти «перемены» заключаются, интуитивно было понятно, что речь идет в первую очередь о стилистическом отличии «эпохи Обамы» от «эпохи Буша». Буш делал ставку в основном на «жесткую силу», планируя войны в Иране и Афганистане, отказываясь делать символические уступки Европе в вопросах международного законодательства. Обама же мобилизует «мягкую силу» Соединенных Штатов, с тем чтобы выжать ее по макси-

поисках Кремля, всегда выходил на Курский вокзал. Так и Обама — **чтобы он ни выдумывал в отношении России, неизменно получал один «реализм».** И вся рассчитанная на внешнее потребление «мягкая сила» незаметно куда-то улетучивалась.

И тогда команда Обамы была вынуждена внять совету, как одним ударом поразить две цели — совместить и «реализм», и «мягкую силу». Все «реалистические» договоренности в России следовало заключать с тем человеком, который, по предполо-

жению этих неизвестных советчиков, и представлял в России ту самую «мягкую силу», тот самый «новый стиль», стиль ценностей, который столь присущ сорок четвертому хозяину Белого дома, — с президентом Дмитрием Медведевым. Во время визита и до него нужно было максимально возвысить его над предшественником, нынешним премьер-министром Российской Федерации Владимиром Путиным.

Обама фактически решился возглавить некую гипотетическую «партию Медведева» против условной «партии Путина». От своих советников — и в первую очередь, вероятно, от Майкла Макфола, руководителя российских и евразийских программ в Совете по национальной безопасности, — Обама узнал, что российский президент некогда дал интервью оппозиционной «Новой газете». И тут же сделал то же самое. Кроме того, он выяснил, что Медведев прислушивается к рекомендациям либеральных экспертов Русской экономической школы, и решил выступить перед ее преподавателями и выпускниками, надеясь именно там встретить передовой отряд своей спешно создаваемой промедведевской партии. И наконец, — тут мы вступаем в сферу предположений, — Обама предложил Медведеву создать некую президентскую комиссию (по типу комиссии Гора — Черномырдина) для вынесения решений, касающихся двусторонних отношений, по всей видимости, в обход действующего правительства и Государственной думы. Правительство возглавляет человек по фамилии Путин, а в Думе имеет абсолютное большинство партия, считающая этого человека национальным лидером.

Если такое предложение и в самом деле было сделано, Медведев, разумеется, от идеи комиссии в такой форме отказался. Согласиться на нее означало разрушить «властный тандем» и создать угрозу дестабилизации на долгие годы вперед. Поэтому комиссию перепоручили ведению глав дипломатических ведомств двух стран, лишив ее, таким образом, главного смыслового наполнения.

Медведев и Путин: тандем двух эпох

Обама логично (для своей страны и своего правящего класса) решил,

что, как и в США, в России одна эпоха должна сменить другую. Иной способ политического поведения нерационален. Команда Медведева ждет часа, когда она сможет вытеснить из кабинетов команду Путина, как люди Путина сменили в свое время людей Ельцина. Чего не учел американский президент?

Первое. Он не учел того, что **внешнеполитические взгляды Медведева едва ли отличаются в сторону мягкости от внешнеполитических воззрений Путина.** Это именно в период президентства Медведева было совершено самое жесткое из действий новой России — признание независимости Абхазии и Южной Осетии. Запрос на правовой универсализм, содержащийся в евро-атлантической инициативе российского президента, — это не призыв к отступлению, а напротив: Россия мыслит подлинно наступательную позицию по отношению к внешнему миру. Наступление путем отвержения молчаливо принятых в реальной политике, но нравственно неприемлемых «двойных стандартов», состоящее в требовании их взаимного пересмотра.

Второе. Обама не понял, что политический класс в России обладает очень большим запасом устойчивости в отличие от экономического класса, который время от времени пополняется за счет новых людей. Российский правящий класс, при всех тактических разногласиях, знает очень остро единство собственных интересов. И главный интерес — чтобы события 1991 и 1993 годов более не повторились. Страх пе-

ред расколом, который может привести к Смуте, а следовательно, к потере статуса и утрате чувства личной безопасности, в российской элите весьма велик.

Третье. Именно по этой причине правящий класс не согласен «сдать Путина», который в нынешнем своем положении является гарантией от сползания страны в состояние Смуты. Именно эту мысль российские участники конференции «Что думает Россия?» и пытались донести до зарубежных гостей во время ее работы. Судя по появившейся еще в ходе работы конференции статьи одного из ее участников корреспондента Washington Post Дэвида Игнатиуса «Великий русский инквизитор», данная идея была воспринята вполне адекватно. Пусть и получила в устах американского журналиста специфически пренебрежительную по отношению к русским интерпретацию.

Несомненно, что неудача московского саммита внесет определенные коррективы как в политику Обамы, так и в кадровый состав его внешнеполитической команды. Велика вероятность того, что в ближайшее время нам предстоит увидеть выход на сцену и бенефис Хиллари Клинтон, до сих пор пребывающей в тени своего патрона. Весьма возможно, более активную роль придется играть и Джозефу Байдену. «Реализму» и «мягкой силе» в американском исполнении придется находить новые сочетания. ■